

Русская традиция в психотерапии: в поисках истоков

А.Ф.БОНДАРЕНКО, Н.С.КОНДРАТЮК*

В статье исследуется структура и содержание психотерапевтического дискурса в практике русской и англо-американской психотерапии. Прослеживая социокультурные истоки различных психотерапевтических парадигм, авторы устанавливают зависимость между исходными философскими и религиозными традициями того или иного подхода и конкретной практикой оказания психологической помощи. На материале протокольных записей и текстовых данных известных современных психологов-психотерапевтов методами контент-анализа, психосемантической реконструкции и структурного анализа выявляются специфика психотерапевтического высказывания, отражающая ценностно-смысловые детерминанты работы психологов-психотерапевтов, принадлежащих к разным культурным традициям. В частности, отмечается, что отличительными характеристиками отечественного психотерапевтического дискурса являются сопричастность, метафоричность, ориентированность

на такие экзистенциальные концепты как жизнь, смысл, ценность, подлинность. В статье также изложены результаты обширного психосемантического исследования, позволяющие определить психотерапевтический подход, обязанный своим возникновением русским социокультурным традициям, как этический персонализм, базисными этическими ценностями в котором являются духовность, созерцательность, любовь, долг.

Введение

Науковедческий, или, точнее метатеоретический анализ психотерапевтического знания, — заветный и лакомый кусочек для всех тех специалистов, средством деятельности которых является слово. Понятно, почему. Ведь именно слово в своей непостижимой двойственности идеального и ощущаемого, содержания и формы, значения и значимости, номинального и переносного, фактического и подразумеваемого, означаемого и означающего в совершеннейшем виде воплощает идею и феномен двойственности, бинарности, как природы первичной, физики (ср. свет — волна и частица), так и природы вторичной — психики (ср. фигура и фон). Легко понять изумление исследователя, напрямую, лицом к лицу сталкивающегося с этой неуловимостью, этим текущим

многообразием, бесконечными переходами из одного в другое, со всей этой феноменологией, таящей в себе некую сущность, точно так же, как слово непременно несет в себе некий смысл. Легко понять и профессиональную интенцию психолога к интерпретации, которая (интерпретация) так же отличается от интуитивного постижения, схватывания сущности, как методологический анализ от вскрытия подлинной, а не налагаемой на явление закономерности. И отличие здесь весьма красноречиво. Если вскрытие сущности вещей ведет к открытию закона, приобретающего достоинство формулы, то интерпретация, как и пресловутый методологический «анализ» порождает лишь новые интерпретации.

В каком-то смысле метатеоретический анализ психотерапевтической практики напоминает известный парадокс Р. Барта о стриптизе: обнажаясь, женщина в то же время десексуализируется. Совлекая с себя в ритуальном танце весь ассортимент женских украшений — меха, перчатки, плюмажи, ажурные чулки и т.д. она в своей искусственной наготе предстает в качестве такого же предмета антуража мюзик-холла, как и другие элементы маскарадного зрелища условной наготы. Подобным же образом обнажение сущностных отличий в средствах деятельности практикующих психологов выполняет сходную задачу — и «десакрализации» пресловутой «магии

общения», и распознавания тех референтных систем отсчета, которые детерминируют не декларируемую, а всамделишную, реальную практику психотерапевтического воздействия.

Практикующий психолог, вступающий в те прикладные области психологии, где центральными категориальными понятиями и предметом работы являются личность и психическое состояние, оказывается перед выбором одной из психотерапевтических парадигм, не объединенных единой методологической основой. В силу разрозненности существующих подходов и методов психологической помощи особое значение для адекватного их использования имеют теоретические и философско-антропологические предпосылки их создания и обоснования, а также социально-культурный контекст их использования. Однако последние нередко игнорируются в отечественной психологической практике: освоение методов психологической помощи часто осуществляется поверхностно, через освоение лишь их технологического компонента, что приводит к использованию психотерапевтических приемов практикующими психологами безотносительно их концептуальных основ (Хомская, 1997); а специфика социально- культурного контекста использования заимствованных из западной практики психологической помощи подходов и методов

не учитывается, в результате чего актуализируется проблема соотношения «западной теории и отечественной практики» (Венгер, 2004). Последнее и является предметом рассмотрения в нашей статье.

Социокультурный контекст психологической помощи

Исходный наш тезис состоит в том, что психологическая помощь оказывается специалистом в контексте определенной социокультурной традиции, вольно или невольно воспроизводимой и транслируемой психологом-психотерапевтом. Точнее, в основе практически любого из современных подходов в психологическом консультировании и психотерапии явно или неявно заложена весьма определенная философская, методологическая и, глубже, религиозная традиция. Недаром К. Юнг назвал в свое время религию древнейшей формой психотерапии. Не составляет большого труда проследить подобные истоки наиболее известных психотерапевтических парадигм.

Классический психоанализ З. Фрейда в своих истоках легко ассоциируется с иудео-христианской, в частности, католической традицией, из которой вытекает основной ряд мифологем и идеологем этой школы психотерапии

(от влияния структуры Святого семейства с условием наследования имущества после смерти главы семейства не его вдовой, как в православной семье, а первенцем мужского пола, из чего, собственно, и вырастает Эдипов комплекс, до идеи чистилища, аналогом чего является собственно психоаналитическая процедура).

В методологическом же плане психоанализ восходит к популярной в начале XX века философии Э. Маха, сциентистского варианта субъективного идеализма Д. Юма и Дж. Беркли, согласно которой именно чувственное отражение формирует структуру человеческого опыта. В сочетании с картезианским дуализмом и акцентом не на открытие, а на толкование эта концепция легко превратилась в своеобразную идеологию определенных слоев общества в XX веке.

Адлеровский подход с его центральными понятиями комплекса неполноценности и механизмами компенсации и гиперкомпенсации непосредственно соотносился с идеей гомеостазиса, оформленной в конце XIX — начале XX века в целостную концепцию взаимодействия систем организма с внешним миром с целью поддержания стабильности внутренней среды.

К. Юнг в своей системе глубинной психологии раздробил идею Абсолюта как верховной детерминанты на множество

образований, которым дал обобщенное имя «архетип» и присвоил им различные наименования наподобие многочисленных божков дохристианской эры. При этом общей методологической основой этих ответвлений психодинамической терапии служило, как уже отмечалось, картезианство.

Поведенческое направление в психотерапии, начиная со своих основателей Дж. Уотсона, Э. Торндайка, В. М. Бехтерева и др., придерживаясь строгих канонов классической науки, 3 представляло и представляет собой яркий образец эмпирического познания, в котором основным методом является метод эксперимента, а объяснительным принципом — принцип редукции. Именно логический позитивизм и эмпиризм, сущность которых столь ярко воплощена в современной англо-саксонской науке и философии, абстрагирующихся от кардинальных отличий между человеком и животным, приводит к анимализации понимания человека, что проявляется не только в трактовке личности как совокупности реакций на конфигурацию стимулов, но и к трактовке и проектированию мира как устройства, призванного обуздать животное в человеке или же в неких пределах попустительствовать животному началу (философия Мальтуса — Гоббса).

Философский и методологический генезис так называемой гуманистической психотерапии также весьма прозрачен. Покажем это на примере «центрированной на клиенте» концепции К. Роджерса. Смысловой акцент, сделанный именно на определении «центрированная» (а не «сосредоточенная», «сконцентрированная», «сфокусированная» наконец), безусловно, не случаен. Как не случаен и сам термин. Его автором является один из основателей гештальт-психологии, представитель Вюрцбургской школы Макс Вертгеймер, открывший так называемый пси-феномен, утвердивший в качестве основополагающего постулата гештальт-психологии первичность целостных структур-гештальтов, невыводимых из составляющих их компонентов. И, наконец, предложивший сам термин «центрирование» наряду с другими гештальтистскими наименованиями психологической специфики перцептивных действий (как то: «реорганизация», «группирование», «транспозиция» и т.п.). Сущность ментальной операции, именуемой у гештальтистов термином «центрирование», состоит в переструктурировании воспринимаемой ситуации таким образом, чтобы феномен Е.Рубина («фигура-фон») проявлялся наиболее отчетливо, обеспечивая в разных сочетаниях все более и более дифференцированный образ восприятия. Иными словами, именно мыслительная (в узком смысле — перцептивная) операция под названием

«центрирование» и выступает в гештальт-психологии одним из основных психологических механизмов, приводящих воспринимающего к инсайту, т.е. к такому сдвигу в поле восприятия, который и обеспечивает наиболее адаптивную приспособительную реакцию.

Таким образом, уже название концепции К.Роджерса дает совершенно четкое и неоспоримое указание на ее методологическую принадлежность, а именно: гештальт-психология. По-видимому, 20-е-30-е годы, когда массовая эмиграция германской интеллигенции в США привнесла новые веяния в поведенчески ориентированные психологические круги, и стали тем временным пространством, в котором в сложном взаимодействии с привнесенными идеями оформлялись последующие идеи и течения среди заокеанских психологов. Согласно гештальтистским представлениям, физическая реальность и психологическая феноменология подчиняются принципу изоморфизма, предложенному Вольфгангом Келером в поисках естественнонаучного обоснования теории гештальта. Если у бихевиористов исходной моделью анализа психики служила биология, то гештальтисты в поисках объяснительной теории обратились за поддержкой вначале к химии (правда, физической), а затем к королеве наук — теоретической физике. Напомним, что именно 20-е —30-е годы прошлого века

стали временем беспрецедентных успехов этой науки: создание квантовой физики, открытие структуры атомного ядра, открытие двойственной (корпускулярно-волновой) природы света, принятие новых постклассических научных постулатов (индетерминизма, релятивизма, принципа дополнительности) — это далеко не полный перечень потрясающих достижений человеческого интеллекта в области этой науки. Сочетание феноменологического варианта интроспективного метода с принципом изоморфизма как предельной объяснительной схемой психических явлений привело к наивным и несколько карикатурным квазидетерминистским объяснительным схемам, весьма остроумно в свое время высмеянным Робертом Оппенгеймером. Случилось это уже после кончины Альберта Эйнштейна, который был в дружеских отношениях с М. Вертгеймером и В. Келером. Но Карл Роджерс либо не посчитал нужным, либо не смог отказаться от провозглашенного им еще с конца сороковых — начала пятидесятых наивного постулата о «конгруэнтности», навеянного, конечно же, принципом⁴ изоморфизма, исповедуемым гештальт-психологией. Столь же несамостоятельны и другие основополагающие принципы и термины К. Роджерса, в частности: «центрирование», «инсайт», «феноменологическое поле», «безустановочное восприятие», не говоря уже о пресловутом, коренящемся в позитивистском эмпиризме О. Конта и прагматизме Дж.

Дьюи понятия «опыт». Именно гештальтисты предложили, в отличие от вундтовской и вюрцбургской интроспекции, свой вариант интроспективного метода, при котором, говоря словами М. Г. Ярошевского, «в поисках путей проникновения в реальность душевной жизни во всей ее полноте и непосредственности предлагалось занять позицию „наивного“ наблюдателя, не отягощенного предвзятыми представлениями об ее строении» (Ярошевский, 1997, с.233).

Вот чем объясняется терминологический тезаурус К. Роджерса. По своей сути это весьма нарочитый, прозрачный в своем генезисе набор терминов, понятий и принципов, заимствованных из гештальт-психологии с ее псевдообъяснительным уклоном в современную физику, из гусерлианской фило софии, под влиянием которой находились гештальтисты и распространившихся в то время идей экзистенциализма, среди которых доминировали понятия личной свободы, ответственности и коммуникации.

Так что в самом психотерапевтическом методе уже заложена определенная философско- методологическая традиция, система социально-культурных норм и ценностей, актуальная для того социума, в котором она возникла: «В психотерапии ... сталкиваются не столько

разные типы научного знания (хотя и они тоже), сколько разные мировоззрения, культуры, разные жизненные правды, основывающие свою специфическую этику и „философию жизни“, а это уже вопросы скорее веры, мифологии, чем науки» (Цапкин, 1992, С.17).

В отечественной психологической практике широко заимствуются и используются зарубежные психотерапевтические методы (в основном те, которые созданы в рамках англо-саксонской культуры). Однако в последнее время, по мере развития социокультурной рефлексии, все чаще поднимается вопрос о неприемлемости прямого их перенесения на отечественную психологическую практику, обращенную к ментальности восточнославянской социокультурной традиции (см., напр., Венгер, 2004). В большинстве своем американские психотерапевтические методы (пользующиеся популярностью среди отечественных консультирующих психологов) основаны на таких ценностях американского общества, как: индивидуалистская ориентация, абсолютизация американского идеала «открытого» общения, атеистическое отношение к религиозному сознанию или протестантская религиозная традиция с ее культом «успеха» — которые чужды восточнославянскому культурному ареалу (см. Венгер, 2004; Фанталова, 2003). Прямое перенесение зарубежных психотерапевтических методов в отечественную практику

без должного их осмысления и переработки по сути является привнесением чужеродных ценностных элементов в структуру русской ментальности, которые в лучшем случае могут порождать дискомфорт в процессе психотерапевтического взаимодействия, а в худшем — обернуться во вред человеку, посягая на систему тех его личностных смыслов, которыми он обязан духовным ценностям своего народа.

Вполне понятно, что те отечественные высококвалифицированные психологи-практики, которые на основе многолетнего опыта работы приходят к формулированию собственных принципов оказания психологической помощи, не могут не исходить из тех же ценностных смыслов, хотя степень отрефлексированности ими своей же референтной смысловой системы может быть различна. Поэтому анализ ценностно-смысловой структуры их профессиональной деятельности может послужить одним из важных инструментов разработки психотерапевтической парадигмы, восходящей к отечественной философской традиции, к принципам фундаментальной науки и социокультурным нормам, относящимся именно к русской ментальности, в которой тесно взаимосвязаны традиции ранней древнерусской символики и позднейшей византийской духовности.

Ниже приводятся результаты сравнительного исследования о сособенностях психотерапевтического высказывания в отечественной психологической практике, в которых воплощается и проявляется русская социокультурная традиция, на фоне реконструкции социокультурной специфики высказывания в англо-американской психотерапии.

Психотерапевтическое высказывание как средство психотехнической деятельности: исследование структуры и ее смысловых детерминант

Если рассматривать знаковую систему как "определенную проекцию сознания" (*Мамардашвили, Пятигорский, 1997, с.87*), то в речевой деятельности консультирующего психолога или психотерапевта посредством языковых средств опредмечивается та система смыслов, которая отражает ценностную структуру используемого подхода и вытекающие из нее нормы профессионального поведения.

Единицей речевой деятельности является высказывание, психотерапевтической деятельности —

психотерапевтическое высказывание, т.е. высказывание психотерапевта или консультирующего психолога, адресованное клиенту в процессе оказания психологической помощи. Поскольку на уровне высказывания в отдельных значениях, контексте и комбинаторике их употребления (целостной семиотике: семантике, синтаксисе и прагматике) воплощаются ценностные ориентации и смысловые установки говорящего, то исследование дискурсивной практики психотерапии (совокупности семиотических признаков, описывающих характерные для данного подхода психотерапевтические высказывания) позволяет реконструировать структуру и принципы используемого специалистом терапевтического подхода, а также систему ценностей и понятий, лежащих в его основе. 1

Еще раз отметим, что высказывание при этом представляет для нас интерес не как собственно языковая действительность, но как средство проникновения в психологическую сущность явления. Преимущество такого рода исследования, где непосредственным предметом изучения является живая психотерапевтическая деятельность (в виде ее средства и способа действия — высказывания), состоит в том, что в нем воплощается путь научного познания в направлении от практики к теории. По нашему мнению, такое исследование может быть одним из

действительных инструментов научной рефлексии отечественной психологической практики, инструментов построения ее психотехнической теории, назревшая необходимость в которой неоднократно отмечалась на страницах этого журнала (напр., *Василюк*, 1992; *Цапкин*, 1992; *Венгер*, 2004).

Материалом для нашего исследования 2 послужили психотерапевтические высказывания отечественных психотерапевтов Ф.Е. Василюка и А.Ф. Бондаренко а также соответствующие высказывания американских специалистов — К. Роджерса, и Дж. Бюдженталя, представленные в текстах их статей и книг, а также в протокольных видео- и звукозаписях психотерапевтических сеансов, относящихся как к индивидуальной, так и к групповой формам работы.

Цель нашего исследования состояла в выделении тех специфических характеристик психотерапевтического высказывания в отечественной психологической практике сравнительно с зарубежной, которые отражают ценностно-смысловую основу работы терапевтов. При этом в качестве общей исходной переменной выступала гуманистическая парадигма, принадлежность к которой так или иначе заявляли все указанные специалисты. Поскольку в данном случае интерес для нас представляет смысловая структура

высказывания, воплощающая ценностные ориентации в психотерапевтической деятельности, то в качестве методов исследования использовались контент-анализ 4 и качественный анализ содержания высказываний, что позволило нам вычлнить некие базисные семантические категории, отражающие смысловую структуру психотерапевтического взаимодействия, а также некоторые его процессуальные особенности.

Сопричастность как отличительная черта отечественной психотерапии

Сравнительный контент-анализ высказываний американских и отечественных психотерапевтов позволил выявить значимое отличие в содержании в них лексической категории «Свой», отражающей сочетание семантических примитивов А.Вежбицкой «Я» и «Ты» (см. *Вежбицкая, 1996*)

Содержание лексической категории «Свой» (Я и Ты) в высказываниях американских и отечественных психотерапевтов

Лексическая категория «Свой» (Я и Ты) оказалась статистически значимо выраженной в высказываниях отечественных терапевтов и незначимой в высказываниях

американских терапевтов. Данный факт тем более интересен, что лексическая категория «Ты/Вы» 5выражена в большей мере в высказываниях американских терапевтов

Содержание лексической категории «Ты/Вы» в высказываниях американских и отечественных психотерапевтов

Высокое содержание лексической категории «Ты/Вы» в психотерапевтическом высказывании — ожидаемый результат, поскольку в центре внимания терапевта находится клиент, к которому он обращается. Тем не менее, бóльшая выраженность категории «Ты/Вы» и статистическая незначимость категории «Свой» (Я и Ты) в высказываниях американских терапевтов, очевидно, говорит о собственно первоочередной фокусировке терапевта именно на клиенте, в то время как статистическая значимость категории «Свой» в высказываниях отечественных терапевтов свидетельствует также о значимости пространства вербализованных отношений между терапевтом и клиентом («я» и «ты/вы» в высказывании терапевта).

Качественный анализ высказываний, содержащих апелляцию как к «я» терапевта, так и к «ты» или «вы» 6 клиента позволил уточнить содержание и функциональное наполнение категории «Свой» в

терапевтическом высказывании. Не смотря на меньшую количественную представленность таких высказываний в репликах американских терапевтов, нам удалось выделить ряд функциональных их типов, общих с подобными высказываниями отечественных терапевтов:

1. высказывания, выражающие некую рекомендацию, пожелание относительно действий клиента, (напр., 7 «Я бы не хотел, чтобы *ваш* монолог прервался»; «*I want you really feel free to make it the way you are*» 8);
2. высказывания, выражающие предложение о совместной деятельности терапевта и клиента, (напр., «Я посоветую *нам с вами* просто спокойно поговорить обо всем, что накопело...»; «*And that brings the question that you and I need to confront...*» 9);
3. высказывания, выражающие (прямо или имплицитно) просьбу к клиенту прояснить сказанное им, (напр., «Я не совсем *вас* понимаю»; «*I don't know what "bad" means to you*» 10);
4. высказывания, содержащие интерпретацию слов клиента, (напр., «Я так понял, *ты* чувствуешь, что это не только проблема твоя уникальная...»; «*Jim, if I understand you correctly, you feel fairly convinced that...*» 11).

Данные функциональные типы высказываний, отражающих вербальное пространство отношений терапевта и клиента, характеризуют это пространство как наполненное, прежде всего, высказываниями терапевта, цель которых – определенным образом организовать терапевтический процесс или прояснить, уточнить высказывание клиента.

В частности, синтактико-морфологический анализ частотности высказываний Карла Роджерса и его коллег в группе встречи в ноябре 1986 года в Институте общей и педагогической психологии АПН СССР (ныне – Психологический институт РАО) показал следующее. Наиболее распространенными грамматическими конструкциями роджерсианского психотерапевта являются:

1) *предложения с сослагательным наклонением* («I'd like», «I'd wish»¹²); 2) *придаточные уступительные* («Although I don't know you well, I've got the impression that...»¹³); 3) *придаточные с противительными союзами* («Carl can work alone but I love us to work together»¹⁴); 4) *конструкции с двойным отрицанием* («Don't understand us as if we don't care about it»¹⁵); 5) *конструкции с аффективной метафорой-сравнением* («I see that you love your work so much even though the school looks like a madhouse sometimes»¹⁶).

Особое место занимают высказывания, содержащие предикации, отражающие *активацию сенсорных, перцептивных и эмотивных* процессов в том числе с эмфатическим выделением: «I feel...», «I listen to you...», «I see...», «You feel...», «I realize...», «I've noticed...», «I've got the impression that...», «I like...», «It feels...», «You were confused...», «You felt embarrassed...»¹⁷ и т.п. При этом

нередко используются метафоры, сравнения, вообще образный ряд, в котором задействованы зрительные, слуховые и персонифицированные ассоциации, а *также косвенные, т.е. недирективные суггестивные* высказывания. Они либо содержат в себе те или иные пресуппозиции, либо несут открыто выраженные ожидания, пожелания и иного рода инструктивные побуждения, что, безусловно, придает им вполне понятный суггестивный потенциал. Virtuозность построения роджерсианского психотерапевтического высказывания состоит в использовании следующего *алгоритма*: 1) предикация «Я-субъектная» («Я чувствую...») + 2) предикация «Ты-субъектная» («Вы в смятении») + 3) предикация, относящаяся к ситуации. При этом первые две обязательно соотносятся с аффективно-сенсорно-перцептивными процессами, а третья несет в себе каузальность обстоятельств (времени, образа действия), т.е. ситуации. Подобная серия предикаций соединяется либо соответствующими союзами (уступительными, противительными, соединительными), непременно формируя сложносочиненное или сложноподчиненное предложение, либо, значительно реже, разделяется паузами, обозначающими отдельные предложения. Дискурс же в целом, т.е. совокупность высказываний, объединенных единой темой или смыслом, «засеивается» (термин М.Эриксона) суггестивными вкраплениями в виде

психотерапевтических принципов, постулатов или обобщенных ожиданий, пожеланий, т.е. *внушений*, индуцирующих измененное состояние сознания у участников психотерапии в силу сочетания их неосознаваемых установок на принятие психологически приятного смысла высказывания с номинализационным (если воспользоваться терминологией нейролингвистического программирования) потенциалом психотерапевтического посыла.

Приведем типичные примеры. «*I'd like to say: everyone will acquire a lot both in cognitive and practical spheres. Something will join you*»; «*I hope that when the group's finished everyone will feel his potentials and resources raised. Everyone will become more confident...*»; «*Today I really felt the process going on*» 18... и т.д. (Как тут не вспомнить Горби с его *процессом*, который пошел, – слово, которым он мистифицировал переход к номенклатурно-воровскому капитализму).

Совершенно очевидно, что подобное рассеивание внушений, индуцирующих транс, ничем не отличается от психотехники, принятой в когнитивно-поведенческом подходе, к примеру, в *недирективном гипнозе Милтона Эриксона*. Просто предварительное введение в контекст психотерапии («присоединение» в НЛП) обеспечивается с

помощью псевдофизической терминологии из гештальт-психологии 30-х годов, философии экзистенциализма и прагматизма первой трети XX века.

В отличие от реплик американских терапевтов, в репликах отечественных специалистов, отражающих отношения **я – ты**, были выявлены высказывания, в которых терапевт вербализует собственное переживание, вызванное происходящим с клиентом, (напр., «... *я очень рад, что вы уже совершенно легко говорите о своих чувствах и открыто их выражаете*»; «Для меня было большим открытием, Тимур, что вы сегодня ведете себя совершенно не так, как в нашу первую встречу... *Я очень поражен изменениями в вашем поведении*»; «*Как я вас понимаю! И хотел бы, чтобы вы знали: я полностью разделяю ваши чувства*»; «*Я просто поражен вашей решимостью, вашей готовностью пойти на риск и преодолеть защитные механизмы...*»; «*Меня очень озаботило твое высказывание*» и т.д.)

Переживание является центральным понятием в гуманистической терапии, и именно процесс переживания обеспечивает в данном подходе терапевтический эффект (Василюк, 2003); в переживании осуществляется трансформация личностного смысла клиента, которая и является целью терапевтического вмешательства

(Бондаренко, 1991). Важная роль в данном подходе также отводится переживанию терапевта и его вербализации как части терапевтического процесса (Джендлин, 1993), однако в анализируемом нами материале подобные вербализации переживания терапевта были выявлены только в репликах отечественных терапевтов.

Следует обратить внимание на то, что в данных психотерапевтических высказываниях выражается не просто переживание, но переживание-отношение к клиенту (*я рад за вас, я поражен изменениями в вас, я вас понимаю* и т.д.) – живой чувственный отклик на происходящее с ним. По словам Бубера «лечить... может лишь тот, кто живет во встрече, и все же обособлен» (Бубер, 1993, с.166), поскольку перед психотерапевтом стоит двоякая задача – с одной стороны, он анализирует клиента – его личностные особенности, психологическую проблему и т.д., а с другой – он должен «схватить подспутное, латентное единство страдающей души» (*там же*), которое неподвластно рациональному анализу и может приоткрыться лишь в момент подлинной встречи Я и Ты. Рассматриваемые высказывания отечественных терапевтов, очевидно, являются проявлением такого отношения-взаимности психотерапевта по отношению к клиенту, которое, по сути, отражает бытие терапевта и клиента, сопричастность терапевта к

переживанию и жизненному миру клиента в целом. Поскольку подобные высказывания были выявлены лишь в отечественном материале, то можно предположить, что сопричастность терапевта через вербализацию его переживания-отношения к клиенту является характерной чертой отечественного подхода в психотерапии как воплощение некой душевной теплоты восточнославянского этноса.

В качестве резюме к сказанному выше приведем высказывание отечественного терапевта, адресованное участнику группы, в котором отражена позиция специалиста, обуславливающая со- бытийный характер его деятельности: *«Я хочу сказать, Майя, что я очень благодарен тебе, что я смог побыть с твоей такой чистой, трогательной душой, я просто очень тебе благодарен... Потому что я тоже нуждаюсь в лечении и в общении...»*.

*Экз истенциальное содержание
англо-американског о и
отечественног о
психотерапевтического дискурса*

Ключевые понятия, отражающие экзистенциальное содержание высказываний отечественных терапевтов, – *жизнь, смысл, ценность, подлинность*. Основные экзистенциальные понятия, с которыми работают американские терапевты, – *свобода, контроль (самоконтроль), ответственность*. Если основная цель американского терапевта – освободить клиента от излишнего самоконтроля и научить его быть свободным и ответственным, то в отечественной терапии основная задача терапевта – помочь клиенту отыскать подлинную ценностно-смысловую основу его бытия, некую интегрирующую единицу его личностного опыта, которая является основой целостности личности («*У тебя нет личностной ценности, поэтому ты – как щепка: куда тебя швырнет, туда ты и летишь*»; «Вы так решительно утверждаете, что не любите детей, как будто хотите этим что-то доказать или отстоять. *Для вас то, что вы говорите, что не любите детей – ценность?*»).

Концепт жизни в отечественной терапии выступает неким контекстом, в котором ведется терапевтическая работа – терапевт работает с клиентом в контексте не отдельной личностной проблемы, но его целостного жизненного мира. Ярким примером является ответ терапевта на вопрос клиента: «Так чем же вы можете помочь?», который звучит так: «Чем я могу помочь? Я могу помочь жить». Очевидно,

данный характерный момент практической деятельности отечественных специалистов проистекает из отечественной общепсихологической традиции рассмотрения человека в непосредственной связанности с миром, в котором он живет: человек рассматривается как находящийся внутри этого мира, составляющий его часть (Леонтьев А.Н., Рубинштейн С.Л., Бахтин М.М., Василюк Ф.Е.). В англосаксонской философско- методологической традиции отношения с миром видятся как субъект-объектные, при этом внешний по отношению к субъекту мир воспринимается им как источник несвободы и контроля (посредством интериоризации превращающийся в самоконтроль), от которых психотерапевт и помогает освободиться клиенту. Отсюда и основное содержание терапевтической работы в американской практике – указать клиенту на проявление контроля в его действиях и содействовать его ослаблению (*“You realize I really can’t control this as much as I’m accustomed to control it, as much as I’d like to be able to control it...”*; *“I hear as you talk both in the words and in your whole way that you’ve really made a lot of effort to keep it under control”* 19). Задача американского терапевта состоит в том, чтоб научить клиента быть свободным, т.е. научить его принимать ответственность за собственные действия, начиная с самого терапевтического взаимодействия, поэтому в обращении к клиенту свобода и ответственность постулируются как ключевые принципы

психотерапевтического процесса (“*Dave, it sounds as though it’s my therapy, not yours, or my life, not yours... We’ve reached a place in our work now in which that work will probably go best if you will take on more responsibility for telling me about the thoughts...*”; “*But it’s how you feel about it – if you don’t want to come twice a week – or if you want to come twice a week? – once a week? – It’s up to you... I believe you are able to make your own decision*” 20).

Проблема ответственности – одна из основных проблем личности в американском обществе, поэтому она занимает центральное место в американской психологической помощи, где принятие ответственности клиентом в терапевтическом процессе видится как залог терапевтического успеха (*Yalom, 1980*). Понятие ответственности не является центральным в отечественной терапии, возможно, не столько по причине отсутствия проблематики принятия ответственности в нашем обществе, сколько в силу того, что в отечественной методологической традиции ответственность выступает, прежде всего, как ответственность нравственная – как доверие к нравственности собственных чувств, к своему чувству справедливости (Рубинштейн С.Л., Бахтин М.М.). Так как нравственная оценка действия является одной из функций смысловых образований (Братусь Б.С.), то категория ответственности является, по сути, производной

от ценностно-смысловой организации личности, которая и является основным предметом работы отечественного терапевта.

Таким образом, экзистенциальное поле терапевтического взаимодействия в отечественной и американской психотерапевтической практике наполнено разным смысловым содержанием: если в американской практике терапевтическими ценностями и целями процесса являются *свобода* и принятие *ответственности* клиентом, то в отечественном подходе – предмет работы специалиста – это ценностно-смысловые образования клиента, которые актуализируются в контексте его целостного жизненного мира, т.е. центральным смыслообразующим элементом терапевтического процесса здесь выступает «*СМЫСЛ ЖИЗНИ*».

Метафоричность отечественного психотерапевтического высказывания

Особое внимание обращает на себя высокая метафоричность речи отечественных терапевтов. Прежде всего, эта метафоричность проявляется в высокой частоте употребления отечественными терапевтами метафор

«*душа*» и «*сердце*» для обозначения внутреннего мира клиента. «Душа» и «сердце» – наиболее типичные образы-мифологемы, использующиеся в русском языке для описания внутренней жизни человека, общий источник которых – «поэтический языковой образ человека, запечатленный в стереотипах и архетипах фольклора, народно-разговорной фразеологии» (Одинцова, 2000, с.21).

В отечественном психотерапевтическом дискурсе метафоры «душа» и «сердце» встречаются в основном в таких контекстах употребления: для обозначения собственно внутреннего мира клиента, его личностного опыта (скорее чувственного, чем рационального) – в этом случае примерными семантическими эквивалентами в высказываниях американских терапевтов могут быть такие словосочетания как “inner experience”, “inside of yourself” 21 и др.; а также для обозначения подлинности самоощущения и понимания, согласия с самим собой (примерные семантические эквиваленты в высказываниях американских терапевтов – “real self”, “whole self” 22 и др.).

Мир переживаний клиента описывается в отечественном терапевтическом дискурсе с помощью разнообразных поэтических метафор, происходящих из комбинаторики употребления слов «душа» и «сердце»: «...*прислушайтесь к нему и сердце подскажет...*»; «...*не знаем,*

головным... а мудростью сердца...»; «...чтобы снять налет окаменевших напластований с души вашей...»; «Это же относится и к душе... исторгнуть из себя чужеродное... это трудно, но важно...» и т.д. Поскольку образы-мифологемы «душа» и «сердце» имеют неполную, лишь частичную совместимость: «если душа в общенародном языке – и чувствует, и мыслит, то сердце любит, желает, грезит, т.е. преимущественно чувствует, оно более сокровенно и эмоционально» (Одинцова, 2000, с.17), то в высказываниях отечественных терапевтов употребление метафоры «сердце» часто встречается для обозначения именно чувственного опыта, в противовес рациональному началу: «Да, я знаю Инну. Я знаю о ней, знаю ее, как бы поточнее это сказать, больше все-таки головой. А вы ее знаете сердцем. Вы же носили ее под своим сердцем. Мне легче думать об Инне, а для вас естественнее вчувствоваться в нее сердцем. Прислушайтесь к нему и сердце подскажет вам, как лучше всего вы сможете помочь вашему ребенку...»

Душа – внутренняя жизнь другого (Бахтин, 1995) ²³, а также собственное духовное «Я» как предмет внутренней рефлексии, предмет относительно автономный и как бы наблюдаемый со стороны (Одинцова, 2000). Введение категории души в терапевтический дискурс, очевидно, на архетипическом символическом уровне является средством

побуждения клиента к рефлексии, поскольку заставляет клиента посмотреть на свой личностный опыт со стороны.

Душа, как известно, не является предметом изучения современной психологической науки, тем не менее данный термин присутствует в ее категориальном аппарате: во-первых, как предмет христианской психотерапии (которая сама по себе является предметом методологических споров – см. напр., *Хомская*, 1997; *Братусь*, 1997); во-вторых, предпринимаются попытки вернуть понятие души в категориальный аппарат современной психологической науки (напр., *Минаева*, 2005; 2007). Еще Бахтин отмечал, что душа не является предметом психологической науки, поскольку «проблема души методологически есть проблема эстетики, она не может быть проблемой психологии, науки безоценочной и каузальной, ибо душа, хотя и развивается и становится во времени, есть индивидуальное, ценностное и свободное целое...» (*Бахтин*, 1995, с.68). Сегодня ведутся дискуссии о возможности нравственной психологии, о проблеме души в психологии (в том числе в контексте дискуссии о христианской психотерапии). Однако данная проблема не является предметом обсуждения в данной статье – она требует отдельного рассмотрения Мы хотим лишь обратить внимание на то, что результаты исследования отечественного психотерапевтического дискурса свидетельствуют о том, что метафоры души и

сердца являются рабочими категориями в отечественной психологической практике для описания внутренней (психической) жизни человека.

В связи с вышеизложенным возникает несколько принципиальных вопросов, а именно: каковы антропологические представления (модель, если угодно) о человеке, вытекающие из той ли иной психотерапевтической концепции? К какому собственно состоянию человека и социума стремятся (и приводят в перспективе) эти концепции? В каком отношении к этим концепциям можем и должны находиться мы, психологи, по рождению и образованию принадлежащие к определенному типу культуры, но зачастую не только не задумываясь об этом, а наоборот, перенимая и даже насаждая в собственной практике чуждые в своей культурологической, сомнительные в методологической и проблематичные в практической сути подходы. И, наконец, главнейший вопрос. Существует ли и какова, если существует, отечественная, собственно русская традиция в психотерапии – не российская, а именно русская, синтезировавшая и интегрировавшая в себе весь ареал восточнославянской византийской социокультурной матрицы общественного сознания.

В поисках ценностно-смысловых детерминант русской психотерапии

В поисках ответа на эти вопросы нами было предпринято психосемантическое исследование обширного массива текстов, отражающих православную богословскую традицию (5-томник сочинений святых отцов, известный под названием «Добротолюбие», в частности, труды Антония Великого, Макария Великого, Аввы Зосимы, Иоанна Лествичника, Григория Синаита, Григория Паламы, Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, Нила Синайского и Аввы Исаяи), а также труды выдающихся представителей русской классической философии (Г.С. Сковороды, П.Д. Юркевича, К.Н. Леонтьева, П.А. Кропоткина, Н.Я. Данилевского, П.А. Флоренского, Н.О. Лосского, Н.Ф. Федорова, В.В. Розанова, Ф.А. Степуна и др.) – объем выборки составил около миллиона слов (942236).

С целью выявления тех основных понятий, в которых отражается и воплощается принципиальное отличие человека в соответствии с духом русского его понимания, мы прибегли к сочетанию метода контент-анализа (русских религиозных и философских текстов) с одновременным вычленением неких базисных семантических категорий, что

позволяет формализовать содержание и таким образом осуществить сравнение различных дискурсов (текстов) * .

Вышеуказанные тексты были проанализированы по таким параметрам контент-анализа: число лексем в тексте, лексическое разнообразие (соотношение количества лексем и общего количества слов), средняя длина слова, средняя длина предложения, грамматическая сложность текста (соотношение числа знаков препинания внутри предложения и количества предложений), наиболее частотные слова, ключевые слова и словосочетания, эмоционально-лексические оценки текстов; группы лексических категорий «потребности», «мотивы», «ценности», «валентность», «акцентуации», «репрезентативные системы», «виды деятельности», «формы предъявления информации», «логика изложения событий», «центр внимания»; а также лексические категории, выделенные на основе семантического содержания исследуемых текстов (такие, как «душа», «бог», «жизнь», «любовь» и др.).

Собственно говоря, выделение глубинных семантических структур на основе их частотных связей в рамках текста и составляет метод тезауруса. Ведь «тезаурус, – как отмечает В. Ф. Петренко, – представляет собой сеть ключевых понятий, объединенных связками, фиксирующими

содержательные (семантические) связи» (Петренко, 1997, с.69).

Выделение базисных категорий в текстах византийских богословов, определивших аксиологическое содержание русской религиозной культуры, позволило конституировать преобладание следующих ценностных категорий: Бог, господь, душа, сердце, дух, ум, тело, жизнь, смирение, страсть, грех, святость, молитва, доброта, правда, любовь, познание, свет, духовность, человек, истина, радость.

В трудах представителей классической русской философии наряду с указанными категориями наиболее частотны: бытие, личность, народ, Русь, Россия, общество, идея, свобода, деятельность, государство, славянство, религия, христианство, мир, культура, наука.

Категории, общие для эти двух разновидностей текстов, следующие: разум, мораль, жизнь, любовь, душа и дух, синтезированные в базисных словосочетаниях: «умная душа», «этическая (нравственная) ценность», которые в единстве и приводят человека к спасению, а человечество — к развитию. Обращает на себя внимание тот факт, что семантика философских текстов продолжает заданную семантику религиозных, просто распространяя ее на социум.

При этом базисные понятия «жизнь», «дух», «душа», «радость» выступают как этические ценности, сопрягающиеся с понятиями «любовь», «свет», и «Бог». Что касается категории «духовность», она, несомненно, является центральной этической ценностью. Ценностью, в которой человек испытывает истинную внутреннюю потребность и которая является сущностной чертой человека.

Поразительны при этом и эмоционально-лексические параллели в оценке текстов византийских богословов и русских философов. Так, на базисном лексическом уровне, т.е. на уровне аксиоматических понятий проанализированные тексты характеризуются следующими свойствами: доброжелательность, интеллектуальность, правдивость, самоконтроль, независимость, экстраверсия, утонченность и необычность.

Факторизация методом главных компонент массива проанализированных философских текстов показала, что совокупность факторов, охватывающих 67,5% дисперсии, отражает следующие де-терминанты русского богословского дискурса : «логичности и последовательности» (главный фактор), «*безнравственность и нравственность личностного бытия*» (второй частный фактор) , «*власть любви как независимость от*

недоброжелательности» (третий частный фактор) и *«познание как высшая ценность деятельности»* (четвертый частный фактор).

Факторизация массива богословских текстов позволила вычленить такие четыре главных фактора:

«доброжелательная интеллектуальность и правдивость» (главный фактор), *«власть молитвы как этической ценности»* (второй главный фактор), *«греховность человеческой души»* (третий частный фактор), *«святость как сложность для изложения»* (четвертый частный фактор) (факторы охватывают 74,5% дисперсии).

Совокупная факторизация всего массива текстов, воплощающих в себе русскую ментальность, позволила выделить четыре независимых фактора, описывающих 66,5% всей дисперсии: *«логическая последовательность»* (главный фактор), *«ценность познания как деятельности, власти и независимости»* (второй частный фактор), *«безусловная нравственная ценность любви»* (третий частный фактор) и *«долг как божественная сущность человека»* (четвертый частный фактор).

Уже предварительные итоги этого исследования, в самом начале которого мы находимся, позволяют сделать ориентировочные предположения, касающиеся специфики именно русских религиозных и философских подходов к трактовке человека и человеческого назначения в мире, во главу которых выносятся прежде всего не гносеологические (в отличие от западной традиции), а онтологические и аксиологические понятия. Говоря языком современной фундаментальной науки, русская философская традиция в трактовке человека отдает предпочтение не «гнозису», а «ноэзису», т.е., по В.И. Вернадскому, процессам, соответствующим не эмпирическим, а универсальным принципам бытия Вселенной. Иными словами, принципиальная идея сущности человека и человечества постулируется не на основе только констатирующего познания, а на основе выстраивания ноэтического постижения жизни, в которой познание ведет к созиданию новых форм бытия.

Безусловно, очень сложно передать многообразнейшие связи и тонкости богатства всей семантической структуры, в которой воплощена ментальность русского этноса. Однако очевидным является факт, что ключевые дескрипторы этой социокультурной галактики совершенно незнакомы нашим психологам. И вот они (мы) наивно пытаемся ввести принципы протестантского релятивизма в абсолютистскую

ткань русского, этического по своей сути сознания. Пытаемся либо подменить безусловную по природе ценность любви как атрибута жизни «умного тела», трансцендирующего себя в жизнь социума через воплощаемые в нем ценностные смыслы, редуционистским и глубоко неверным приписыванием определяющей роли сексуальности либо пресловутой роли личной (индивидуалистической в сущности) «свободы», не замечая или не понимая главного: тем самым мы лишаем наш собственный социум, наших людей, наших пациентов возможности истинного проживания собственного бытия, предлагая им путь заимствованной жизни, в которой остаются не названными ключевые детерминанты ее смыслового содержания.

Русская философская и, следовательно, научная традиция онтологична и нацелена на распознавание сущности.

Западная традиция гносеологична и останавливается на видимости. Отсюда упорное желание выглядеть, а не быть, нацеленность на представление (театрализованное и, желательнее, транслируемое по ТВ), а не на реальную деятельность, отсюда – стремление уйти от диагноза, т.к. диагноз предполагает сущностное понимание происходящего. Отсюда же – фрагментарная трактовка человека и подхода к человеку как пациенту: телесно-ориентированная терапия, психоаналитически-

ориентированная терапия, экзистенциально-ориентированная терапия и т.п. В то время как свойственные именно русской школе подходы предполагают целостное отношение к человеку, при котором невозможно расчленить тело и психику, поскольку человек есть именно одушевленное тело («умное тело») или воплощенная в телесной структуре психика (о чем так хорошо писал М. Е. Бурно).

Полученные данные, на наш взгляд, позволяют внести некоторые коррективы в теорию и практику консультативной работы практикующего психолога, работающего с представителями византийского православного ареала восточнославянской культуры.

Во-первых, русский человек вовсе не настолько иррационален, как это принято считать в искусственно поддерживаемых мифах. Просто понятие выгоды не является для нас сущностным. Наивно и смешно выглядят поэтому попытки слепо переносить в русский контекст рационально-эмотивную терапию Эллиса или вообще формы когнитивной терапии с подсчетами в баллах силы переживаний. С другой стороны, несомненную опасность для русского сознания представляют навязываемые нам ценности личной выгоды и успеха, принятые в чуждой нам коммерциализованной логике искупления грехов путем

покупки индульгенций или достижения богоугодности благодаря собственному материальному благосостоянию.

Во-вторых, архетипичной чертой русской ментальности является все же, скорее всего, *созерцательность*, а не практицизм, поскольку категории деятельности, власти и независимости объединены в единый конструкт с ценностью познания.

В-третьих, для нас именно *любовь*, а не, скажем, свобода представляет абсолютную и высшую нравственную ценность. При этом сущностью человека в русском понимании, божественной, т.е. высшей мыслимой сущностью, является *долг*. Невозможно не отметить в этой связи, насколько явственно в этом моменте наблюдается совпадение в трактовке, скажем, Дж. Аптером, автором теории реверсивности психики, свободы как негативистского состояния, а долженствования – как состояния конструктивного и, в его американизированной терминологии, – конформистского. А в нашей, русской терминологии – коллективистского (см. Apter, 2002).

Именно эти, не редуцируемые социокультурные свойства русского человека и являются подлинным содержанием и предметом отечественных традиций и перспектив во внепсихотерапевтической психотерапии. А психотерапевтический

подход, обязанный своим возникновением русским социокультурным традициям, является не чем иным, как этическим персонализмом. Осмысление собственной принадлежности к родной культуре и вытекающих из этой культуры способов действия представляется нам первоочередной задачей профессионального воспитания и обучения отечественных психологов-практиков. Достаточно отметить, что наиболее бесчеловечное столетие в истории, а именно XX столетие, стало таковым не в последнюю очередь по причине агрессивного посягательства определенных государств и групп людей на ценности и традиции именно восточного, византийского христианства с его идеалами милосердия и любви, служения и бескорыстия, безвозмездного прощения и покаяния. Восстановление и развитие отечественных социокультурных традиций, ценностных смыслов и норм не только в психотерапевтической практике, но и в повседневной жизни постсоветского социума – наша неотложная задача.

* * *Бондаренко Александр Федорович* – член-корреспондент Академии педагогических наук

Украины, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии

Киевского национального лингвистического университета.

Кондратюк Наталья Сергеевна – аспирант кафедры психологии Киевского

национального лингвистического

¹ В рамках данной статьи, к сожалению, не представляется возможным более детально остановиться на обосновании данного положения. Подробнее о высказывании как единице речевой деятельности см., напр., *Общение. Текст. Высказывание.* – М., Наука, 1989; *Лонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии.* – М.: МПСИ, 2004; о психотерапевтическом высказывании как единице анализа психотерапевтической деятельности см. *Бондаренко А.Ф. Социальная психотерапия личности.* – К.: КГПИИЯ, 1991; *Черепанова И.Ю. Дом колдуньи: Язык творческого Бессознательного.* – М.: КСП, 1996; о дискурсе как результате дискурсивной деятельности языковой личности см., напр., *Седов К.Ф. Дискурс и личность.* М.: Лабиринт, 2004; о семиотическом подходе к описанию дискурсивных практик психотерапии см. *Калина Н.Ф. Основы психотерапии: Семиотика в психотерапии.* – К.: Ваклер, 1997; *Калина Н.Ф. Лингвистическая психотерапия.* – К.: Ваклер, 1999.

² Данная часть исследования выполнена при поддержке индивидуального гранта INTAS №06-1000014-6211.

³ Видеозаписи: *Existential-Humanistic Psychotherapy in Action: A Demonstration with J. F.T. Bugental, Ph.D* : Psychotherapy. Net, 2006; *The Client-Centered Approach: Carl Rogers.* The Milton H.Ericson Foundation, Inc., 1985; *Психотерапия невротической любви (с А.Ф. Бондаренко).* Межуниверситетский центр консультативной психологии, 1994; звукозаписи и соответствующие стенограммы психотерапевтических сессий (работа с группой, ведущие – Ф.Е. Василюк, А.Ф. Бондаренко) из фондов Межуниверситетского центра консультативной психологии; стенограммы терапевтических сессий, отрывки из них, а также примеры диалогов терапевта с клиентом, опубликованные в: *Bugental J.F.T. The Art of the Psychotherapist.* – N.Y., London:Norton & Company, 1987; *Bugental J.F.T. Psychotherapy Isn't What You Think: Bringing the Psychotherapeutic Engagement Into the Living Moment.* – Phoenix,

Arizona: Zeig, Tucker & Co., Inc., 1999; Rogers C.R. *Client-Centered Therapy: Its Current Practice, Implications, and Theory*. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1965; *The Psychotherapy of Carl Rogers: Cases and Commentaries*. – N.Y., London: Guildford Press, 1996; Бондаренко А.Ф. *Психологическая помощь: теория и практика*. – М.: Институт психотерапии, 2000.

Общий массив данных составил более 4000 реплик, в частности составляющих протоколы 14 полных сессий американских психотерапевтов и 12 полных сессий отечественных психотерапевтов.

4 Контент-анализ высказываний осуществлялся с помощью компьютерной экспертной психолингвистической системы ВААЛ, модулей контент-анализа для русского и английского языков.

5 В английской языке – категория «You».

6 в высказываниях американских психотерапевтов – «You».

7 здесь и далее в примерах приводятся высказывания на русском языке – из реплик отечественных терапевтов, высказывания на английском языке – из реплик американских терапевтов.

8 «Я хочу, чтоб вы действительно чувствовали себя свободным, сделать это так, как вы считаете нужным» (здесь и далее перевод авторов статьи).

9 «А здесь поднимается вопрос, который нам с вами нужно выяснить...»

10 «Я не знаю, что значит для вас «плохой»

11 «Джим, если я правильно тебя понимаю, ты совершенно уверен в том, что...»

12 «Мне бы хотелось», «Я бы желал».

13 «Хотя я вас не очень хорошо знаю, впечатление такое, что...».

14 «Карл умеет работать один, но я обожаю, когда мы работаем вместе».

15 «Не поймите нас так, что нас это не беспокоит».

16 «Я вижу, вы так любите свою работу, даже если школа порой похожа на сумасшедший дом».

17 «Я чувствую...», «Я слушаю вас...», «Я вижу...», «Вы чувствуете...», «Я осознаю...», «Я заметил...», «У меня впечатление, что...», «Мне нравится...», «Чувствуется...», «Вы были в смятении...», «Вы почувствовали неловкость...».

18 *«Я хочу сказать: каждый многое приобретет для себя как в познавательной, так и в практической сферах. Вас что-то будет связывать»; «Я надеюсь, что к завершению группы каждый человек почувствует, что его возможности и силы возросли. Каждый станет более уверенным...»; «Сегодня я на самом деле чувствовал, что происходит процесс».*

19 *«Вы осознаете: я действительно не могу это контролировать настолько, насколько я привыкла это контролировать, настолько, насколько мне бы хотелось быть в состоянии это контролировать...»; «Когда вы говорите, я слышу в ваших словах и вижу в вашей*

манере поведения, что вы действительно приложили много усилий, чтоб держать это под контролем».

20 *«Дейв, это звучит так, как будто это моя терапия, а не ваша, или моя жизнь, а не ваша... Мы достигли теперь того места в нашей работе, где эта работа, очевидно, будет осуществляться наилучшим образом, если вы будете брать больше ответственности за то, что вы рассказываете мне о своих мыслях...»; «Но это зависит от того, как вы относитесь к этому – не хотите ли вы приходить дважды в неделю – или хотите ли вы приходить дважды в неделю? – один раз в неделю? – Это зависит от вас... Я уверен, что вы способны принять ваше собственное решение».*

21 «внутренний опыт», «внутри себя»

22 «подлинное «Я»; «целостное «Я»

23 *«Внутреннюю жизнь другого я переживаю как душу, в себе самом живу в духе. Душа – это образ совокупности всего действительно пережитого, всего наличного в душе во времени, дух же – совокупность всех смысловых значимостей, направленностей жизни, актов исхождения из себя» (Бахтин, 1995, с.74).*

**** Контент-анализ текстов осуществлялся с помощью компьютерной экспертной психолингвистической системы ВААЛ, модуля контент-анализа для русского языка.**

ЛИТЕРАТУРА

*Бахтин М.М. Человек в мире слова. – М.: Российский открытый университет, 1995. – 140с.
Бондаренко А.Ф. Социальная психотерапия личности. – К, 1991*

- Братусь Б.С. Двойное бытие души и возможность христианской психологии // Вопросы психологии. – 1997. – С.71-79.
- Бубер М. Я и Ты. – М.: Высшая школа, 1993. – 175с.
- Василюк Ф.Е. От психологической практики к психотехнической теории // Московский психотерапевтический журнал. – 1992. – №1. – С. 15-32.
- Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. – М.: МГППУ; Смысл, 2003. – 238с.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 411с.
- Венгер А. Психотерапия: западная теория и российская практика // Московский психотерапевтический журнал. – 2004. – №1. – С.5-17.
- Джэндлин Ю.Т. Субвербальная коммуникация и экспрессивность терапевта: тенденции развития клиенто-центрированной психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. – 1993. – №3. – С.75-92.
- Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 324с.
- Минаева Н.С. К вопросу о понятии «душа» в психологии // Известия Уральского государственного университета. – 2005. - №39. – С.253-265.
- Минаева Н.С. Современная психология о методах изучения души человека // Вестник ОГУ. – 2007. – Вып.7. – С.131-136.16
- Одинцова М.П. Языковые образы «внутреннего человека» // Язык. Человек. Картина мира. Ч.1. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). – Омск: ОмГУ, 2000. – С.11-28
- Петренко В. Ф. Основы психосемантики. – Смоленск: СГУ, 1997. – 400с.
- Фанталова Е.Б. «Русский катарсис» как феномен культуры и психотерапевтический прием // Журнал практикующего психолога. – 2003. – Вып. 9. – С.11-16.
- Хомская Е.Д. О методологических проблемах современной психологии // Вопросы психологии 1997. - №3. – С.112-125.
- Цапкин В.Н. Единство и многообразие психотерапевтического опыта // Московский психотерапевтический журнал. – 1992. – №2. – С. 5-38.
- Ярошевский М. Г. История психологии. – М.: Академия, 1997. – 416с.
- Apter
Yalom I.D. Existential Psychotherapy. – Basic Books, 1980. – 524pp.